

НАТИ СМОЛЬНИКОВА

**ИСХОД МИРА.
ГОЛГОФА НАШЕЙ
МОЛОДОСТИ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С51

СМОЛЬНИКОВА Н.

С51 Исход мира. Голгофа нашей молодости / НАТИ СМОЛЬНИКОВА – М.: Литнет, 2026. – 232 с.

ISBN 978-5-521-94220-6

Канкун встречал меня жарким солнцем и побережьем Карибского моря на полуострове Юкатан в туристической зоне Ривьера Майя. Александр и Дмитрий должны были приехать сюда из своих стран на очень серьезный разговор. Страна разрушалась на наших глазах и требовалось принимать окончательное решение. Последний разговор с мамой меня сильно напряг. У парней дома тоже творилось что-то неладное. Центр молчал... Оглушительно. Мы, верой и правдой служившие Отчизне, оказались выброшены за борт с крушением Союза. Теперь, оставив позади карьеру во внешней разведке, мы возвращались в роковой октябрь 1993 года, пытаюсь понять, осмыслить, решить – как жить дальше. Знали бы мы, с каким кошмаром нам предстоит столкнуться...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94220-6

© Литнет, 2026
© Н. СМОЛЬНИКОВА, 2026

Глава 1

Канкун встречал меня жарким солнцем и побережьем Карибского моря на полуострове Юкатан в туристической зоне Ривьера Майя. Здесь, в этом туристическом раю, мы должны были встретиться с Александром и Дмитрием, прилетевшими из разных концов света, чтобы сделать непростой выбор. Наша родина трещала по швам, рушилась, словно картонный домик, и требовалось принять серьезные решения.

Тяжёлый разговор с матерью накануне лишь добавил тревоги. Судя по обрывкам фраз, и дома у парней творилось что-то неладное. Чувство неотвратимости нарастало – нам пора было возвращаться.

Пока самолёт медленно катил к терминалу, я смотрела в иллюминатор, и память уносила меня на три года назад, когда мы, выпускники «лесной школы», покидали бушующий СССР, разъезжаясь по разным уголкам мира, куда забросила нас судьба и распределение.

Тогда, в далёком 1990-м, мы, отличники, смеялись над моей удачей – идеальное произношение и владение английским языком открывало мне двери в новый мир. И действительно, три года в Штатах, в нашем посольстве, прошли не зря. Собранные мной военные протоколы и сведения, словно зловещее эхо холодной войны, свидетельствовали об одном: несмотря на видимость потепления, отношение США к нам не изменилось.

Шум двигателей стих, и салон наполнился гулом оживленных голосов. Я вышла из самолета, и жаркий, влажный воздух Канкуна окутал меня, словно теплый плед.

Зарегистрировавшись в отеле и заселившись в номер, я набрала номер стойки регистрации, уже предвкушая, как закажу билеты на ночное шоу – место, где можно раствориться в оглушительном шуме и спокойно поговорить. Пока решение о возвращении домой

висело в воздухе, легенду требовалось поддерживать, и ночные клубы с их пестрыми шоу казались идеальным прикрытием.

В номере раздался телефонный звонок. Подняв трубку, я услышала знакомый, корявый английский:

– Привет, малышка. Вечеринка в «Кристалле». Билет доставит посыльный.

Я положила трубку и откинулась в кресле. Разведка на то и разведка, что наши мысли текли в одном русле. В ожидании посыльного я достала из сумки маленькое черное платье, которое всегда брала с собой в поездки. Оно было универсальным – подходило и для званого ужина, и для танцев до утра. Нанесла легкий макияж, подчеркнув глаза, и распустила волосы, придав им небрежный вид. Важно было выглядеть так, словно я действительно собираюсь провести вечер в ночном клубе.

Стук в дверь прозвучал неожиданно, хотя я и ждала его. Открыв, я увидела молодого человека в униформе отеля с конвертом в руках. Он протянул его мне, пробормотав что-то о комплиментах от отеля. Я забрала конверт, положила ему в руки пару долларов и закрыла дверь. Внутри лежал билет на шоу в «Кристалле» и небольшая записка на английском: «Встретимся у бара в полночь».

Почерк Дмитрия узнавался мной сразу. Я усмехнулась. Он всегда был таким – немногословным и предельно осторожным. В полночь, значит в полночь. У меня было еще несколько часов, чтобы подготовиться. Я проверила ножи, убедилась, что они надежно спрятаны под платьем на внутренней стороне бедра, и вышла из номера.

Прогулявшись по отелю, я осмотрела окрестности, запоминая лица и детали. В холле было много людей, в основном туристы и бизнесмены. Ничего подозрительного. Я зашла в бар, заказала напиток. Время тянулось медленно. Наконец, стрелки часов приблизились к полуночи. Я расплатилась и направилась к ночному клубу «Кристалл».

Пробираясь сквозь толпу в главном зале, я сразу выхватила взгля-

дом Александра и Дмитрия, стоявших в разных сторонах танцпола. Их лица, осунувшиеся и повзрослевшие, хранили отпечаток той же тревоги, что терзала и меня. Танцпол бурлил в полумраке, заполненный силуэтами танцующих, а дискотечное свечение выхватывало из темноты лишь фрагменты пространства, словно подчеркивая общую неопределенность.

Александр, заметив мой взгляд, кивнул и пробился ко мне сквозь танцующих. Дмитрий на расстоянии последовал за ним, держа в руке стакан с какой-то мутной жидкостью.

— Рад тебя видеть, малышка, — наигранно произнес Александр, продолжая легенду случайной встречи молодых людей для приятного времяпрепровождения.

— И я рада, — ответила я, чувствуя, как напряжение немного спадает.

Дмитрий сделал большой глоток из своего стакана и сказал:

— Пойдемте вон в тот темный уголок. Я проверил. Слежки нет.

Объятия были короткими, а слова — сдержанными. Мы понимали друг друга без лишних объяснений. Продружив все три года своего дополнительного обучения, мы досконально знали друг друга. Уединившись, сразу приступили к делу. Дмитрий, осевший в Соединенном королевстве, рассказал о растущем недовольстве, о страхе перед неопределенностью. Александр, работавший в Восточной Европе, говорил о потерянных связях с родиной, о чувстве вины перед оставшимися там близкими.

Каждый из нас, несмотря на относительный успех в новой жизни, чувствовал себя оторванным от корней, вырванным из привычной среды. Главным вопросом оставалось — что делать? Вернуться и попытаться что-то изменить, рискуя всем, что мы построили за эти годы? Или остаться и наблюдать за происходящим издалека, терзаясь чувством беспомощности? Единого мнения не было. Каждый понимал, что от принятого решения зависит не только наша судьба, но и, возможно, судьба нашей страны.

Разговор тянулся, словно вязкая патока, заполняя позднюю ночь

обрывками фраз, искрами споров и туманными воспоминаниями. Все смешалось в густой, сумбурный поток, грозя утопить в себе остатки разума. В конце концов, обессиленные, мы решили отложить окончательный вердикт до рассвета, дать уставшим мыслям передышку. Но я нутром чувствовала: какое бы решение мы ни приняли, этот выбор навсегда останется с нами, словно заноза, впившись глубоко под кожу.

Тайком, словно воры в ночи, мы покинули огни ночного клуба, преобразившись с помощью вещей из рюкзака Дмитрия. Будто тени, скользили прочь из туристической зоны.

Наутро, рассекая лазурные волны на наёмной лодке, мы приближались к острову Исла Мухерес, направляясь к нашему общему убежищу. Дом, купленный нами в прошлом году и припрятанный на черный день, находился на тихом острове среди россыпи вилл и местных домишек. Сам остров был тихим и обычным, словно забытый богом уголок, который редко привлекал толпы туристов. Но материковая часть была рядом, а следовательно, и авиасообщение. Он был очень удобен, чтобы затеряться от глаз всего мира или вовремя уйти из страны.

Солнце приветливо пригревало, обещая безмятежный день, но тревога, поселившаяся глубоко внутри, не позволяла расслабиться. Мы все понимали: побег не решит проблем, он лишь даст нам время. Время собраться с мыслями, взвесить все «за» и «против», и принять то самое решение, которое изменит наши жизни навсегда.

Остров встретил нас тишиной и умиротворением. Белоснежные домики утопали в буйной зелени, а ласковый шепот моря успокаивал израненные души. Мы ступили на мелкий желто-белый песок, словно на новую землю, оставляя позади суету и опасности.

Вилла, спрятанная в глубине сада, ждала нас, словно верный друг, готовый предоставить убежище и покой. Внутри царил утренний полумрак и прохлада. Пыль, осевшая на мебели, свидетельствовала о нашем долгом отсутствии. Мы молча разошлись по комнатам и легли наконец-то выспаться.

Весь день никто не выходил и только вечером, собравшись на террасе, мы долго смотрели на закат, окрасивший небо в багряные тона. Слова не шли, да и нужны ли они были? Мы и так все понимали, чувствовали кожей, читали в глазах друг друга. Впереди – неизвестность, и лишь совместное решение сможет осветить наш путь, вывести из этого лабиринта лжи и страха. Но какое это будет решение? И какую цену нам придется заплатить?

Глава 2

Хмурый Александр молчал и ушел в себя. Он о чем-то размышлял и явно не готов был пока рассказывать. Дмитрий же, напротив, пристально смотрел на меня, как будто изучая заново.

– Дим, а чего ты на меня так пялишься? У тебя есть ко мне какие-то вопросы? – я решила пойти напрямик, потому что с этими парнями я могла себе это позволить.

Он в ответ только мило улыбнулся и сказал:

– Наташка, давай останемся здесь. Заведем себе детей и будем наслаждаться жизнью. Что-то я устал переживать. Мне уже тридцать два года. Я хочу семью. Наша страна съехала с рельсов. Мы ей больше не нужны. Возвращаться – это значит нажить себе проблем. Ты же видела, что там творится?! Союз рухнул, а новая формация политиков разворачивает страну.

Это предложение было крайне неожиданным для меня. Дмитрий никогда не говорил со мной о любви и семье.

– Дим, тебе так просто отказаться, потому что у тебя там никого нет. А у нас с Сашкой семьи под ударом. Нам в любом случае необходимо вернуться, чтобы разобраться в ситуации на месте, – уверенно ответила ему.

– Не права ты, моя дорогая. У меня там родня побольше твоей будет. Весь детдом – моя семья, – засмеявшись, ответил мне друг. – Так что пойдешь за меня замуж?

– Хватит бросаться из крайности в крайность. Давайте по делу. Саш, ты чего молчишь? – резко закрыла я неприятную мне шутку Димки.

Александр перевел на нас тяжелый взгляд, в котором клубилась боль.

– Мне по-любому возвращаться. Не знаю, что будет дальше, но мне срочно нужно туда. Мать говорит, что какие-то придур-

ки наехали на маленький бизнес отца. Это же надо! Мой отец, ярый коммунист, завел себе магазинчик! Никогда бы не поверил. Но мать говорит, что нужно было на что-то жить. Вот он и занялся какими-то шмотками. И по Ольге я соскучился, – задумчиво и медленно отвечал он.

– Так ещё бы Сане не нужно было туда! У него там жена! – с энтузиазмом подхватил Димка. – Я вот тоже решил обзавестись семьей, а ты, Наташка, не хочешь!

– Дим, хватит уже шутить. Не смешно! – резко одернула я его. Его дурацкие шутки сейчас раздражали меня до зубовного скрежета. Дмитрий всегда был ироничным оптимистом, юмор для него был как броня, выработанная годами жизни в детдоме, способ защититься от моральных потрясений.

Будучи абсолютно свободным от каких-либо обязательств, кроме присяги, данной Родине, он всегда серьезно относился к делу. Вальяжный и расслабленный на вид, он никогда не позволял никому устанавливать для себя рамки.

Его мозг работал с точностью часового механизма, молниеносно анализируя ситуацию, в чем ему не было равных на нашем курсе. Димку вполне можно было назвать красавчиком, потому что его подтянутое тело, средний рост и брутальность, проступающая сквозь черты лица, выдавали в нем мужчину, закаленного жизнью. Он в совершенстве владел английским и немецким языками, весьма хорошо итальянским.

Однако, эта внешняя непринужденность обманчива. За маской весельчака скрывался человек с глубокой душевной организацией и дисциплиной. Он умел сочувствовать чужой боли, был готов подставить плечо в трудную минуту, даже если это шло вразрез с его собственными интересами. Эта черта характера, возможно, и не была заметна при первом знакомстве, но нам, кому посчастливилось узнать его ближе, ценили ее превыше всего.

Дмитрий не любил говорить о своем прошлом, предпочитая

жить настоящим и строить планы на будущее. Детский дом оставил свой отпечаток, но не сломил его дух. Он научился быть самостоятельным, ценить дружбу и не рассчитывать на чужую помощь. Эта закалка помогала ему в службе, где он быстро завоевал авторитет и легко сходилась с людьми.

Он был не из тех, кто рвется в карьерный рост, предпочитая оставаться в тени. Главным для него было честное выполнение долга и чувство удовлетворения от хорошо сделанной работы. Димка не гнался за славой, но его имя всегда было на хорошем счету у начальства. Его ценили за профессионализм, ответственность и умение находить выход из самых сложных ситуаций.

Сашка же был его полной противоположностью. Всегда сосредоточенный и собранный, жесткий, а временами и жестокий, он сочетал в себе физическую силу и глубокую духовность. Родина и семья для него были высшими ценностями.

В отличие от Дмитрия, он был человеком, чья жизнь всегда была выстроена по четким, незыблемым принципам. Его взгляд, прямой и пронизательный, казалось, видел насквозь, оценивая каждую деталь, каждую потенциальную угрозу. В нем не было и тени той легкости, что так присуща Димке.

Сашка – это воплощение дисциплины тела и ума, его движения отточены профессиональным боксом и службой в ВДВ, а слова – всегда весомы и обдуманно. Он не искал легких путей, предпочитая преодолевать трудности атакой, прибегая к хитростям. Саша весьма сносно владел английским, но его коньком были языки Восточной Европы, которыми он жонглировал идеально.

Их различия, однако, не мешали им находить общий язык. Напротив, они дополняли друг друга, создавая уникальный тандем. Там, где Дмитрий мог найти нестандартное, порой даже рискованное решение, Сашка обеспечивал надежность и основательность, проверяя каждый шаг на прочность.

В их совместной работе, где требовалась не только острота ума,